

Содержание

1/90 Жемымо	9
2/90 Горный Щит	36
3/90 Теория заговора	66
4/90 Умный мальчик	106
5/90 Такая же	126
6/90 Девять девяностых	149
7/90 Безумный Макс	180
8/90 Без фокусов	223
9/90 Екатеринбург	242

*Памяти моего брата
Константина*

1/90

Жеымо

Я родился в самом начале восьмидесятых, в Свердловске, в бараке на улице Гурзуфской. Под окном нашей комнаты висел, как полковой барабан, громадный оцинкованный таз. Выбором времени и места рождения судьба сообщила, что в жизни моей не случится не только особенного успеха, но и простого человеческого счастья, которое принято считать его допустимой заменой.

Сейчас, когда те годы, мои детские времена, уже затянуло романтическим туманом, я вспоминаю моменты совершенной радости, которые приходят даже к одинокому и несчастному ребенку.

Один из них — качели. Они стояли во дворе дома номер семь, по соседству с нашим бараком. Новостройка заняла недавний пустырь и выглядела на фоне скромных пятиэтажек, будто атомный ледокол «Ленин» среди самодельных лодочек. У сдь-

мого дома был породистый бордово-серый окрас, квартиры хитрой планировки и, предмет главной зависти окружающих, — лоджии. Каждый житель нашего района, где до прихода человека строящего дремали вековые болота, гордился этим домом — его даже удостоили особого имени. Семёра. В те времена было модным упрощать и огрублять даже самые ласковые и красивые названия: наш район звался «Посадом» в честь улицы Посадской, ближайший кинотеатр «Буревестник» местные переименовали в «Бурелом». Семёра существует по сей день — как постаревшая красавица, прикрывает морщинистые стены и тусклые окна нарядами-деревьями. Вот только качелей, любимой моей «березки», больше нет.

Эти качели были выкрашены белым цветом, а поверху, тонкой кисточкой, мастер изобразил трещины в берёсте, черные штрихи, похожие на арифметические знаки равенства. Равенством во дворе притом не пахло — все знали, что качели поставлены здесь не для барачных детей. И мне даже в голову не пришло бы качаться здесь днем или вечером.

Я приходил к «березке» ранним утром, задолго до первого урока. В нашей комнате спали четверо, и я знал, что после моего ухода в комнате появляется воздух — ведь тетка Ира постоянно говорила про меня:

— Дышать от него нечем! То спит, то ест!

Ветхий ранец прыгал на спине, как накладной горб, — я бежал к пустой площадке у качелей

и напевал вначале тихо, а потом всё громче и громче любимый романс тетки Иры, который она исполняла после первой бутылки:

*Сад весь умыт был весен-ни-ми ливнями,
В тем-ных овра-гах стоя-ла вода.
Боже, какими мы бы-ли наив-ны-ми,
Как жемымо-лоды были тогда!*

В бараке была приличная акустика, каждый звук падал хрустальной каплей, и не верилось, что тетка Ира, «техничка-алкоголичка», умеет так петь. Мне в этом романсе больше всего нравилось таинственное слово «жемымо». Было в нем что-то особенное, соблазнительное, женственное. Может быть, даже — французское. Я не сразу понял, что «жемымо» — это слуховая обманка, но даже тогда не перестал любить это слово — оно, как пароль, открывало мир, который у меня однажды будет. Я не знал планов судьбы, но, мечтая о будущем, надеялся, что однажды приеду во двор Семёры за рулем роскошной «девятки» цвета «мокрый асфальт». Прижавшись ранцем к спинке качельной сидухи, я отталкивался ногами и взлетал всё выше. Вместе со мною уносились вверх мои мечты.

Вот оно, будущее! Я небрежно кручу руль одной рукой, медленно останавливаясь у подъезда, где живут мои враги-одноклассники Глеб Репин и Ви-таля Корнеев. Вот они — Репя и Корень будущего — выходят из подъезда, одетые, как бичи из барака. То есть как тетка Ира, ее гражданский муж

Василёк, мой двоюродный брат Димка и я сам. Не знаю, почему в моих мечтах Репа и Корень менялись с нами одеждой — в раннем утреннем полете над пустынным двором никто не требовал от меня логики и мотивации.

Вот я из будущего неторопливо опускаю тонированное стекло и строго, без улыбки, смотрю на бывших врагов.

Мое лицо в мечтах удивительно походило на лицо дяди Паши Петракова — гангстера по кличке Паштет. Паштет проживал в Семёре, и это был еще один повод для Репы с Корнем, чтобы задирать нос.

Паштет, как большинство свердловских бандитов, был нормальным советским пацаном, родом из спортивной секции. Много кто из них в детстве мечтал стать олимпийцем: быстро бегал, высоко прыгал и метко бил по чужим носам. Но когда на Урал пришли иные времена — точнее, не пришли, а дали с размаху по воротам тренированной ногой... То время перемен упало на пацанов так же внезапно, как ранняя звезда в песне Аллы Пугачевой (еще одна теткина любовь, шла сразу после «жемymo», но впереди многокуплетных песен, одна из которых мне нравилась больше других — про Сеню, который «с чувством долга удалился»). Страна получила *свободку*. Уралмаш, король заводов, на месте встал, раз-два. А профессиональный спорт сейчас же превратился в детское, несерьезное занятие. Впрочем, привычка тренироваться осталась — в любой тренировке в те годы стояла очередь к каждому станку.

Цеховики шили варёнки и шапочки-«пидорки» из женских рейтуз, на рынках продавались корейские платья с кружевами-перьями — такого же химического цвета, как корейские соки. В узкую щель между Союзом и Западом падали первые плоды свободы — «марсы», «сникерсы», «баунти» и водка «Стопка». И вот тогда, на пути между ларьками — смыслом жизни эпохи ранних девяностых, и деньгами — смыслом жизни для многих во все времена, встали те парни, имя им легион. Почти весь легион ныне — на кладбищах Екатеринбурга: Широкореченском, Северном, Лесном... Лег он, легион.

Был среди бандитов, окормлявших пионеров коммерции, и наш дядя Паштет. «Ломал» деньги у коммерческих магазинов — «комков», крышевал рынки, при его участии даже был продан первый в области эшелон меди.

В мечтах я видел у себя героическое лицо Паштета — вот только, чтобы оценить эту героику, надо было смотреть на него обязательно в профиль. Линия лба Паштета переходила прямо в переносицу, не образуя никаких простонародных углов. А нижняя губа выезжала вперед, как ящик в сломанном комодe. Через много лет, когда я увидел портреты Габсбургов в Национальной галерее, то понял, на кого был похож герой моего детства.

Одет он был всегда безупречно — кожаная куртка, норковая шапка, темно-зеленые шароваристые штаны, белые «саламандры» и белые носки. Иных в те годы просто не носили — если у тебя были

черные носки, ты как бы признавался в том, что не меняешь и не стираешь их каждый день.

Качели уносили меня всё выше. Милая моя «березка»! В такие минуты я забывал о том, что маму лишили родительских прав за пьянку, а папы я сроду не видел, но знал, что называли меня по его желанию. Филипп — имя курчавого певца, похожего на пуделя Артемона: в пору моего детства он (певец, не пудель) еще не был так знаменит. Он дождался отрочества, чтобы бабахнуть всей своей славой — как из пулемета Дегтярева — по скромной жизни свердловского мальчика. «Киркорыч» — одно из самых частых моих прозвищ в те годы. И всё же, летая, я забывал и об этом, и о том, что теткин сожитель Василёк каждый день ищет повода дать мне пинка, а после обходится без повода, пинает просто так. Но когда чья-то рука вдруг резко остановила полет, схватив «березку» за металлический поручень, я тут же вспомнил всех своих родственников, сладко спящих в бараке. Вот вам и жемымо.

Передо мной стоял Паштет во всей своей славе. В ногах его терлась собачка, пушистая и желтая, как маленький стог сена. Собачка смотрела на меня и часто, будто для врача, дышала, улыбаясь. Зубки у нее были мелкие и острые, как битое стекло.

— Здорово! — сказал Паштет и протянул мне руку.

Я чуть не обмочился от волнения, по ошибке протянул левую ладонь.

Собачка зевнула.

— Погода-то какая! — с чувством произнес Паштет и обвел рукой вокруг с таким видом, как будто сам сделал с утра эту погоду и теперь готов предъяснить ее миру. Я кивнул. Погода Паштету удалась. На ветровом стекле его знаменитой машины — первого в городе «опель-кадетт» — желтели распальцованные рябиновые листья, и две-три алые ягоды лежали между спящими «дворниками», как будто их поместили туда специально. В широком небе нежились крохотные свежие облака. Птицы передумали улетать на юг и пели громко, как по радио.

— Как жить хорошо! — заметил Паштет и потянулся изо всех сил, так что полы его куртки разошлись, и я увидел турецкий свитер, заправленный в брюки, а главное — пистолет Макарова, небрежно сунутый во внутренний карман.

— Слышь, пацан! — адресно обратился ко мне Паштет, отпिनывая в сторону собачку. Я уже догадался, что собачка, как и я, не имела никакого отношения к Паштету, она всего лишь хотела *иметь* к нему это отношение. И пользовалась случаем засвидетельствовать свое почтение, преданность и остренькие зубки. — Пусти-ка!

Я поспешно слез с «березки», она испуганно тренькнула. Паштет не без труда уместился на еще теплой сидухе, и вот уже белые «саламандры» отталкиваются от земли, и Паштет летит высоко, почти как я. А потом ему надоело поджимать ноги, и тогда он встал, сунул мне пистолет подержать и начал крутить на качелях «солнышко».